

and customs in the Russian periodicals in which guesses the newspaper «New time». Prototypes of most images in this volume of the trilogy had its staff, including the owner of publishing A.S. Suvorin (Kashcheev), GN Snesarev (Grabelshchikov) and etc., who shows without prejudice, but in general sympathy. However, in the novel is only one way of parody created, the prototype of which is V. Rozanov. Author enlarges some of the features of its appearance, as well as creativity, reducing it merely to the subject of sex. Giving his due to the talent of the writer, V.P. Krymov creates a parody of him, making fun of V.V. Rozanov's adherence cult of the female body, as well as giving hints to the reader, allowing establish Semen Semenovich Tsvetkov's prototype.

Keywords: mass literature, autobiographical trilogy, the newspaper "New time", a parody image, prototype.

УДК 811.161.1:81`373

Таньш С.

Стамбул, Турция

МОДИФИКАЦИИ СЕМАНТИКИ ТУРЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ИХ ОСВОЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предложен обзор некоторых вопросов изменения семантики иноязычной лексемы в процессе её адаптации в языке-реципиенте на примере турецких заимствований в современном русском языке. Рассмотрены различные типы модификаций смысловой структуры и семантического объёма турцизмов, затрагивается вопрос семантической корреляции заимствования и его иноязычного прототипа.

Ключевые слова: турцизм, модификации семантики, турецкий прототип, семантический объём, сужение семантики, расширение семантики, корреляция.

Семантический аспект процесса адаптации иноязычных слов в языке-реципиенте постоянно представляет интерес для лингвистов, так как он охватывает широкий круг вопросов. Среди множества направлений семантического освоения заимствованного слова модификации значений его иноязычного прототипа заслуживают особого внимания. В настоящей статье на материале турецких заимствований в русском языке предполагается показать характерные особенности, а также установить определённые закономерности семантических модификаций иноязычных лексем путём формального сопоставления семантики прототипа в языке-источнике и заимствованной единицы в языке-реципиенте. Выявление роли иноязычного прототипа в процессе смысловой адаптации турцизмов, а также факторов, влияющих на указанный процесс, обуславливают актуальность данной статьи.

Факторы, влияющие на процесс семантической адаптации, исследователи оценивают по-разному. С одной стороны, принимается во внимание роль языка-источника при освоении иноязычного слова: считается, что только пока язык-источник и заимствующий язык контактируют между собой, возможно развитие семантики заимствования

(Е.Э. Биржакова [2]). С другой стороны, полагается, что влияние языка-источника имеет место только в момент вхождения в заимствующий язык, а процесс освоения происходит независимо от каких-либо прежних связей и ассоциаций. Данная позиция характерна для работ многих современных лингвистов (Р.С. Кимягарова [7], З.Н. Козлова [8]). Например, З.Н. Козлова отмечает: «слово, <...> лишённое внутренней формы, <...> способно подвергаться смысловым изменениям, удивительным с позиции языка, давшего это слово» [8: 93]. Наши наблюдения над семантикой турецких заимствований подтверждают скорее вторую точку зрения: большинство турцизмов получает своё индивидуальное развитие на новой почве, эксплицируя другой отрезок действительности, отличающийся от прототипа в языке-источнике.

Типичным явлением для заимствования является сужение семантического объёма лексемы, другими словами, заимствованное слово в языке-реципиенте отображает менее широкий отрезок действительности и имеет меньше возможностей смысловой и контекстуальной интерпретации, чем его прототип в языке-источнике. В первую очередь данное положение касается турцизмов, прототипы которых являются многозначными лексемами. В лингвистической литературе существует достаточно обоснованное мнение о том, что слово заимствуется из одной языковой системы в другую обычно в одном значении (Т.Г. Амирова [1], О.В. Загоровская, [6]). Полагается, что единицей контакта двух языков, даже в условиях полисемии, может быть только одно из значений, следовательно, только одно значение и реализуется в конкретном языковом воспроизведении. Показательно также, что именно то из значений, которое наиболее чётко соотносится с определённым предметом в реальной действительности, и является единицей контакта в условиях полисемии.

Анализируемый нами материал последовательно подтверждает указанное положение. В первую очередь, следует отметить явление специализации понятия отдельных турцизмов: турецкие прототипы таких лексем зачастую эксплицируют родовое понятие в языке-источнике, реализация которого не представляется возможной при заимствовании. Например, семантический объём прототипа лексемы *аскер* включает в турецком языке такие понятия как *военнослужащий от рядового (солдата) до генерала; армия, воинская повинность; дисциплинированный человек; герой, защищающий родину* [11: 144]¹. На почве заимствующего языка указанная единица эксплицирует более узкий отрезок действительности и реализуется в узкоспециальном значении «*Турецкий солдат*» [5: 62]. Аналогично специализацией значения на почве языка-реципиента характеризуются наименования музыкальных инструментов *дудук, саз и тулумбас*, турецкие прототипы которых являются родовыми, обобщающими понятиями в языке-источнике. Отметим ещё несколько турцизмов, семантика которых характеризуется более узкой специализацией по сравнению с их турецкими прототипами: *алача (аладжа)*: тур. «*пёстрый*» > рус. «*пёстрая ткань*»; *баитан*: тур. «*огород*» > рус. «*бахча*»; *долма*: тур. «*процесс наполнения*» > рус. «*блюдо*»; *изумруд*: тур. «*тёмно-зелёный цвет*» > рус. «*камень*»; *кир*: тур. «*грязь*» > рус. «*земля, пропитанная нефтью*»; *кирка*: тур. «*лопата, весло*» > рус. «*горный инструмент*»; *конак*: тур. «*большой дом*» > рус. «*государственное учреждение у мусульман*»; *лал*: тур. «*алый цвет*» > рус. «*камень*»; *чикчирь*: тур. «*шитаны*» > рус.

¹ Перевод дефиниций из толкового словаря турецкого языка (Türkçe sözlük /Türk Dil Kurumu. – Türk Tarih Kurumu Basım Evi – Ankara, 1998) с турецкого языка на русский наш (С.Т)

«униформа гусар», **янычар**: тур. «военное подразделение» > рус. «солдат». Данный ряд могут продолжить турцизмы *архалык* (*архалук*), *визирь*, *гювеч*, *казаскер*, *кафтан*, *мудир*, *нефть*, *пай*, *палаиш*, *пара*, *паша*, *пашалык*, *пече*, *санджак*, *ферязь*, *чадра*, *чоха*, *шептала*, *эфенди*. Турецкие прототипы данных лексем в языке-источнике имеют несколько значений, из которых только одно заимствовано в русский язык.

Некоторые лингвисты обращают внимание на тот факт, что хотя и довольно редко, но всё же явление заимствования полисемии имеет место при языковых контактах (Е.Э. Биржакова [2]). В анализируемом нами материале в этом отношении обращает на себя внимание лексема **фитиль**. Оба значения данного слова (**фитиль1** «Лента, жгут или шнур, служащие для горения в осветительных и нагревательных приборах» и **фитиль2** «Горячий шнур для воспламенения зарядов, для передачи огня на расстояние при производстве взрывов» [5: 619]) корреспондируют со значениями полисемичного прототипа **fitil1** и **fitil4**, обладающего широким спектром значений в языке-источнике: 1. Как правило, легко воспламеняемый материал изогнутой формы, сделанный из сплетённых волокон хлопка, при поджигании обеспечивающий сгорание масла или жира в лампе, светильнике, лампаде и свече, а также способствующий воспламенению бензина в зажигалке; 2. Стерильный бинт, корпия, используемая для перевязки и лечения глубоких ран; 3. Анальные свечи конической формы и застывшей маслянистой консистенции, вводимые в задний проход; 4. Воспламеняющаяся субстанция, которой придаётся форма шнура, ранее использовавшаяся для приведения в действие пушек, а в наши дни применяемая для подрыва подземных стоков, запал; 5. Шнурок, оторочка по краю или шву одежды, кант; 6. Тесьма, используемая для того, чтобы скрыть швы и гвоздики на креслах, стульях и прочей мебели для сидения; 7. Ткань, шитая в виде дорожки; 8. Вид карточной игры, в которой игрокам необходимо как можно быстрее избавиться от своих карт, которые каждый из них получает в количестве восьми штук; 9. уст. Мера веса, равная 0,0125 г [11: 792]. С одной стороны, можно предположить, что в данном случае оба значения могли одновременно быть единицей языкового контакта, поскольку они фактически отражают один и тот же отрезок действительности. С другой стороны, сложно утверждать о заимствовании полисемии, руководствуясь исключительно частичным формальным совпадением семантической структуры коррелирующих языковых единиц, без учёта, например, описанных нами выше экстралингвистических обстоятельств заимствования.

Как показывают приведённые примеры, в новой языковой среде заимствованная единица является фактически звуковым комплексом, за которым закреплён определённый смысл, не соотносящийся со смежными понятиями или другими языковыми единицами, корреспондирующими с прототипом. Подтверждением данного положения могут служить также лексемы, турецкие прототипы которых, наряду с конкретным значением, заимствованным в русский язык, обладают переносными значениями, реализация которых невозможна на русской почве. Например, переносные значения турецких прототипов лексем **фундук** «Измущество, приобретённое нечестным путём» [11: 778] и **ясырь** «Человек, заикливающийся на определённой идее или человеке» [11: 726] не находят ни смысловой, ни контекстуальной экспликации в принимающем языке. Тем не менее, обращает на себя внимание переносное просторечное значение прототипа турцизма **арбуз** «Женская грудь» [11: 1223]. На русской почве данное значение находит контекстуальную реализацию, что можно подтвердить примерами из художественной литературы:

«Родившись целиком в мать, она была <...> коротенькая, круглая, но рыхлая, с сильно развитой, – как говорится: арбузовидной грудью...» [Д. В. Григорович. Не по хорошу мил, – по милу хорош (1889)]; *«Тут было все: арбузные груди, краткий, но выразительный нос, расписные щеки, мощный затылок и необозримые зады»*. [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927)]; *«Другие же просто пялят глаза друг на друга, положив арбузные груди на перила»*. [Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)] [10]. В связи с этим возникает вопрос, действительно ли заимствованная единица теряет все ассоциативные связи, присущие её прототипу в языке-источнике, или же сохранение определённой корреляции с иноязычным прототипом может иметь место? В данном конкретном случае трудно доказать, что развитие переносного значения, реализованного исключительно на контекстуальном уровне, происходило под влиянием семантики иноязычного прототипа. Мы придерживаемся мнения, что семантическая деривация заимствованной лексемы происходит уже под влиянием новых условий, сложившихся в заимствующем языке. Рассмотрим подробнее явления расширения семантики турцизмов на русской почве.

Расширение семантического объёма заимствованной лексемы происходит, в основном, путём семантической деривации вследствие метафоризации, основанной на внешнем или функциональном сходстве. Например, при заимствовании лексемы *бугай* единицей контакта послужило конкретное значение турецкого прототипа *boğa* «Самец крупного рогатого скота» [11: 320], а в результате метафорического переноса по внешнему сходству на русской почве развивается значение с неодобрительной коннотацией *бугай2* «Орослом, крепком и сильном мужчине» [3: 100]. Результатом метафоризации по функции считаем семантические дериваты турцизмов *мишень* «Тот, кто является предметом нападок, насмешек» [5: 368], *ярлык2* «Листок на чём-н. с наименованием, клеймом, какими-н. специальными сведениями», *ярлык3* «Шаблонная, стандартная, обычно неодобрительная краткая характеристика, оценка кого-чего-н.» [9: 846], *колпак* «Покрышка круглой или конусообразной формы над различными предметами» [5: 278]. В последнем примере наблюдаем явление генерализации значения: заимствованная единица не соотносится с сугубо одним предметом номинации, а представляет собой единицу с более широкой семантикой – родовое понятие.

Различные пути расширения семантики на почве принимающего языка иллюстрируют следующие примеры. Вследствие метафоризации с актуализацией скрытой периферийной семы развивается переносное значение лексемы *куркуль2* «Скупой, прижимистый человек» [9: 308]; результатом метонимии считаем появление значений *буза2* «Возня, драка, шум, скандал» [5: 105], а также *султан1* «Украшение на головных уборах, преимущественно военных, в виде пучка перьев или стоячих конских волос, а также на головах лошадей в торжественных церемониях» [5: 556]. Дальнейшая актуализация семы «внешний признак» послужила основой для появления переносного значения *султан2* «Расширяющийся кверху столб чего-н.» и узкоспециального значения *султан3* «Соцветия у некоторых растений» [5: 556].

Предпринятый в статье краткий обзор модификаций смысловой структуры и семантического объёма турцизмов в процессе заимствования позволяет сделать следующие выводы. Прослеживаются две противоположные тенденции в семантике заимствованных лексем: сужение, специализация значения в момент вхождения слова в заимствующий язык и расширение, генерализация значения, характерные для процесса семантической

адаптации в языке-реципиенте. Ассоциативные связи прототипа в языке-источнике могут оказывать влияние на семантическую адаптацию заимствованной единицы в новой языковой среде, что позволяет предполагать её семантическую корреляцию с прототипом. Последнее положение нуждается в дальнейшей разработке на более широком фактическом материале.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амирова Т.Г. О семантических сдвигах некоторых лексических заимствований // Учёные записки Азербайджанского гос. ун-та. Сер. Язык и литература. – Баку, 1973. – № 2. – С. 68–74.
2. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования, Л., 1972.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред.: С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Большой турецко-русский словарь : 200 000 слов и словосочетаний / Н.А. Баскаков [и др.] ; Институт востоковедения РАН. – 2-е изд. – М. : Рус. яз., 1998. – 966 с.
5. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов : 35 тыс. слов / А.Н. Булыко. – Изд. 2-е, испр. – М. : Мартин, 2007. – 703 с.
6. Загоровская О.В. Семантическое освоение лексических заимствований // Семантика слова и синтаксиса конструкций – Воронеж, 1987.– С. 99–107.
7. Кимягарова Р.С. Типы и виды адаптаций заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII–XX вв.) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология, 1989. – №6. – С. 69–78.
8. Козлова З.Н. Заметки о семантической эволюции заимствованных слов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1970. – № 6, С. 92–96.
9. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25000 сл. и словосоч. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 2002. – 856 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
11. Türkçe sözlük /Türk Dil Kurumu. – Türk Tarih Kurumu Basım Evi – Ankara, 1998. – 2525 s.

Таниш С.

Стамбул, Туреччина

МОДИФІКАЦІЇ СЕМАНТИКИ ТУРЕЦЬКИХ ЗАПОЗИЧЕНЬ У ПРОЦЕСІ ЇХ ЗАСВОЄННЯ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

У статті запропонований огляд деяких питань стосовно зміни семантики іношомовної лексики в процесі її адаптації в мові-реципієнті на прикладі турецьких запозичень у сучасній російській мові. Розглянуто різні типи модифікацій смислової структури і семантичного обсягу турцизмів, автор торкається питання семантичної кореляції запозичень і їх іношомовного прототипу.

Ключові слова: турцизм, модифікації семантики, турецький прототип, семантичний обсяг, звуження семантики, розширення семантики, кореляція.

Sinan Tanish
Istanbul, Turkey

**MODIFICATION OF TURKISH LOANWORDS' SEMANTICS IN THEIR
ASSIMILATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

In the article some questions of semantic change of lexeme are reviewed in the borrowing process of Turkish loanwords taking the example of modern Russian. Different types of semantic structure and semantic volume modifications are considered on the language recipient site. The question of semantic correlation of borrowing and its foreign prototype is dependent on the functioning sphere of the lexeme and its correlative potential.

Key words: *Turkish loanword, semantic modifications, Turkish prototype, semantic volume, semantic narrowing, semantic broadening, correlation.*